

Встреча с интересным человеком

«...ЧТОБ В СТУПЕ ВОДУ НЕ ТОЛОЧЬ»

— Сегодня стало окончательно ясным — нельзя больше плодить серятину, мыслить по такому, знаете ли, примитивному, ведомственно-административному тематическому принципу: рабочая тема, военно-патриотическая, детская и так далее. Галочки в планах проставлены, а качество — дело десятое. Так начался наш разговор с заслуженным артистом РСФСР Алексеем ЖАРКОВЫМ.

— Темы темами. Они лишь вносят в нашу работу некоторую упорядоченность. Но на первом месте должен оставаться человек с его проблемами, центральным, если не единственным, предмет искусства — человек в социальной среде, его психология, его деятельность, его душа, если хотите. И это не должен быть ходячий сверхположительный герой, лучащийся всеми добродетелями, физиономия которого дана преимущественно анфас, у которого нет профиля и тем более затылка. Искусство лишь тогда искусство, когда исследует полноценную человеческую личность во всей многоплановости присущих ей противоречий...

— И это справедливо для всех тематических разделов...

— Естественно. Нынешний наш день отмечен серьезнейшими размышлениями о завтрашнем дне, который начинается сегодня... Да что там — начался вчера. Мы ведь навыпускали столько беспомощных, лишенных мысли и чувства картин, что приучили многих зрителей на этих псевдомоделях жизни к бездумию, абсолютной нетребовательности к себе. Отсюда — неумение «читать» трудный, неординарный текст, отсюда безразличная «кассовая судьба» талантливых лент, отсюда соглашательство в режиссерской среде — будем, мол, «лепить то, что зрители кушают». Есть такое расхождение выражение... Но ведь невысказанных зрителей породили на белый свет мы сами...

— И все-таки у нас есть повод для оптимизма. Съезд кинематографистов открыл перед нами целую галактику имен и фильмов, о которых люди вообще ничего не знали...

— Но мы-то знали и, простите, помалкивали...

— Вам ведь тоже «везло» на участие в этих «трудных» фильмах?

— И я горд этим. До сих пор с удовольствием вспоминаю работу с замечательным режиссером Кириллом Муратовой. Я снимался в ее картине «Познавая белый свет», пронизанной красотой жизни. Собственно, и прочие ее фильмы — «Короткие встречи», «Долгие проводы», «Средь серых камней» — именно таковы. Обвинять ее в очернительстве действительности, как это не однажды в прошлом делалось, могут только тенденциозные слепцы. Каждый кадр ее лент пропитан любовью к человеку, верой в достойное его будущее. А другой талантливый мастер — Алексей Юрьевич Герман! Теперь, когда пропето ему столько хвалебных од, даже неловко как-то присоединяться к этому хору. Но ведь восхищаются

его фильмами справедливо. Он тонкий и умный художник. Это так же бесспорно, как то, что известность пришла к нему с большим опозданием, после того как он вдоволь натерпелся от бюрократов и перестраховщиков. Легко ли сейчас поверить, что съемки фильма «Мой друг Иван Лапшин», который можно с полным правом назвать энциклопедией достоверности — мне повезло в нем играть оперуполномоченного Окошкина, — приостанавливались грозными приказами несколько раз! Германа упрекали в том, что он превратно толкует смысл прозы отца. А режиссер шел к этому самому смыслу, к смыслу куска жизни, исследованного в прозе Ю. Германа, сквозь поверхностные напластования — отважно, не пряча глаз от правды... А Виктор Овчаров, чья «Небыльщина» появилась на свет нещадно изрезанной? Мне не довелось сниматься в этом фильме, но умолчать о нем не могу.

— Благотворные перемены в жизни страны не могли не коснуться кинематографа, занятого ее отражением...

— Это и воодушевляет. У нас есть первоклассные актеры — Инна Чурикова, Михаил Ульянов, Иннокентий Смоктуновский, Олег Янковский, Александр Калягин... Да простят мне коллеги, имен которых я не назвал. Это просто невозможно — их очень много. Есть у нас и превосходная, крупная, яркая режиссура. Как не вспомнить Ролана Быкова с его лентой «Чужело»? А разве можно забыть Динару Асанову, которая искренне и честно решала острые проблемы, возникающие в пограничной зоне «дети — взрослые».

— Сейчас в разговорах об искусстве часто и охотно, с видимым даже удовольствием употребляют понятие «правда». С этой точки зрения высоко оценивается и ваша актерская работа в кино. Что, по-вашему, это такое — правда в искусстве?

— Видите ли, это понятие чрезвычайно трудно поддается простой словесной расшифровке. Слишком многое в нем неформально, чтобы можно было в двух-трех словах дать определение правды в искусстве.

Это тема для научного труда. Но я понимаю, к чему вы клоните... Да, отбор черт, реалий действительности в ходе формирования произведения искусства должен отвечать требованиям жизненной правды, обязан отражать истинную многослойность, внутреннюю диалектическую противоречивость мира — насущных проблем бытия, человеческих характеров, социальных процессов. Ничто не должно быть искажено. Но ничто не должно быть и приукрашено. Только так, честно и открыто, мы имеем право говорить о душе человеческой. А тут ведь нетрудно напутать, оступиться, начиная с мелочей. Да вот хотя бы одна из них: плохо, грязно еще у нас во многих поездках. А почему же экранные поезда походят на экспрессы из тридцатого века... Если действительные картины разворачиваются в квартире стандартного блочного дома, не нужно строить декорацию хором на сто пятьдесят квадратных метров и убеждать зрителей, что на этом аэродроме живет простой инженер.

Недавно мы вели съемки в Одессе в коммунальном коридоре, куда выходят двери доброго десятка квартир, стоят газовые плиты, годами копится всякий хлам. При нас туда пришел корреспондент местной газеты и в ответ на жалобы жильцов философски заметил: «Некоторые еще хуже вас живут!» Я думаю, мы и этих подробностей времени не можем не замечать. Да, мы строим много хорошего жилья. Но его все еще не хватает. И нечего тут ссылаться на раны, нанесенные войной. Это кощунственно. Достаточно внимательно почитать газеты, чтобы понять: важно жилое пространство честно и справедливо распределять, что, к сожалению, не всегда и не везде делается.

Пример мой элементарен. Но я сознательно огрубил ситуацию, чтобы не было превратных истолкований. Есть проблемы и позапущеннее. Но их решение в искусстве начинается все с того же. С правды. Не врать — вот принцип. Мы долгое время отказывались видеть очевидное. Но существование больших проблем времени, общества от нашего нежелания их замечать не зависит. Это проблема отцов и детей. Проблема детской преступности. Проблема распадающихся се-

мей. Экологическая проблема. Как выяснилось недавно, проблема наркомании. Они есть, и кино не смеет их не видеть, ими не заниматься. Вы можете сказать: а как же быть с нашими достижениями, в том числе и социальными? Не все ведь говорить о теневых сторонах жизни! Это так. И это у нас находит свое экранное выражение. Но главное наше достижение, мне кажется, состоит в том, что мы в лучших своих картинах не страшимся размышлять о нерешенных вопросах, не боимся правды. Рассуждая о каких-то неприглядных сторонах нашего существования, значительные, глубокие, философски значимые, эмоционально щедрые фильмы, наиболее крупные, интересные произведения кино всегда демонстрировали гражданственную активность. Они всегда оставляли человеку надежду на будущее, на торжество справедливости и таким образом открывали перед ним перспективу общественного идеала. В этом их высокая духовность — отличительная черта советского кино, его правота. Она проявляется даже в том, что сегодня мы громко говорим о движении искусства к правде...

— Все это вы относите и к собственной работе в кино?

— С личной, пожалуй, поправкой. То, что я делаю, достаточно скромно. Быть подлинным, без всякой вычурности, нарочитости, ложной многозначительности — вот задача задач! Разумеется, ее не решить, если кривить душой. Знаете, есть «смелчаки», которые безбоязненно заявляют: «Мне нравится начальник, и я говорю об этом прямо! Мне не нравится уборщица, и я утверждаю это во весь голос!» С такой «отчаянной» установкой сегодня в искусстве честно и достойно не прожить. Зрителям нужны иные истины. Уже очень они разотдыхались в уютной темноте зрительных залов! Я же сторонник диаметрально противоположных взаимоотношений кинематографа с его аудиторией. Помните «...чтоб в ступе воду не толочь».

Беседу вел
В. БАРАНОВСКИЙ,
кандидат искусствоведения.
ОДЕССА.

Фото С. ПАНОВА.

